

ДНЕВНИК ИЗ ЗАБРОШКИ

найденные страницы

Author: Black Witch

Black Witch

**Дневник из заброшки
(мистическая повесть)**

«Автор»

2026

Witch B.

Дневник из заброшки (мистическая повесть) / В. Witch —
«Автор», 2026

Когда Артём и его друзья решают исследовать заброшенный детский санаторий, обычная подростковая вылазка превращается в кошмар, из которого невозможно просто уйти. В коридорах с облупленными стенами всё ещё звучат детские голоса, часы застыли на 13:17, а старая тетрадь начинает записывать не только воспоминания, но и тех, кто оказался внутри. Санаторий хранит тайну исчезнувших детей, закрытых палат и странной переключки, на которую лучше не отвечать. Чтобы выбраться, друзьям придётся понять, кто на самом деле зовёт их из темноты, почему прошлое повторяется снова и снова, и какую роль играет дневник, ставший дверью между живыми и теми, кого давно не должны были помнить. «Дневник из заброшки» — мрачная young adult horror-повесть о дружбе, страхе, вине и памяти, где самое опасное — откликнуться на голос, который знает твоё имя.

© Witch B., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Найдено в северном крыле	5
Запись первая	6
Запись вторая	8
Запись пятая	10
Запись шестая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Black Witch

Дневник из заброшки (мистическая повесть)

Найдено в северном крыле

Эту тетрадь нашли 17 октября 2024 года в здании бывшего детского санатория «Сосновый бор», закрытого после пожара в 2009 году.

Тетрадь лежала под досками пола в комнате на втором этаже, которую местные подростки называли «палатой без окон». Обложка была разбухшей от сырости, страницы слиплись, края почернели, будто их держали над огнём. На первой странице детским почерком было написано:

«Если вы нашли это, не зовите нас по именам».

Дальше начинался дневник.

Запись первая

3 июня

Меня зовут Артём.

Мне двенадцать лет, и я не знаю, зачем я это пишу.

Наверное, потому что Димка сказал, что если мы правда полезем туда, надо оставить доказательства. Он вообще любит говорить как взрослый. «Доказательства», «экспедиция», «объект», «фиксируем всё на бумаге». Хотя сам вчера испугался лягушки у канавы и заорал так, что тётя Валя из магазина вышла посмотреть, кого режут.

Мы собираемся в заброшенный санаторий.

Не сегодня. Завтра.

Я знаю, что мама меня убьёт, если узнает. Она всегда говорит: «Не ходи туда, там полы гнилые, стекло, наркоманы и собаки». Но мама не понимает.

Там не просто заброшка.

Там место.

Все в посёлке про него говорят, только делают вид, что не говорят.

Санаторий стоит за лесом, на старой дороге к озеру. Когда-то туда возили детей с больными лёгкими. Бабушка рассказывала, что там был чистый воздух, сосны, белые корпуса, столовая с компотом и врачиха, которая ходила в синем халате.

Потом был пожар.

Официально — короткое замыкание.

Неофициально — в подвале нашли комнату, которой не было на плане.

Это сказал Димка. Откуда он знает, непонятно. Наверное, опять услышал от старшего брата. Его брат Серёга вечно всё знает: где купить петарды, как вскрыть домофон и какие места в городе «нечистые».

Мы идём вчетвером.

Я.

Димка.

Лиза.

И Малой.

Малого зовут Саша, но его никто так не называет. Ему десять, он младший брат Лизы. Его братья не хотели, но он пригрозил, что всё расскажет маме Лизы. Поэтому берём.

Лиза сказала, что если он начнёт ныть, она сама оставит его в лесу.

Я знаю, что не оставит.

Лиза вообще самая смелая из нас. У неё рыжие волосы, вечно грязные кеды и привычка смотреть так, будто ей всё равно, даже когда ей не всё равно. Она сказала, что хочет найти в санатории старые медицинские карточки или игрушки.

Димка хочет снять видео.

Малой хочет доказать, что он не мелкий.

А я...

Не знаю.

Наверное, хочу увидеть.

Иногда мне кажется, что заброшенные места зовут не всех. Только тех, кто умеет слышать.

Сегодня вечером мы сидели на трубах за гаражами и строили план.

Димка принёс фонарик, ножик, пачку сухариков и старый телефон для съёмки. Лиза — аптечку, воду и верёвку. Малой — шоколадку, компас и игрушечный пистолет. Я — эту тетрадь.

— Зачем тетрадь? — спросил Димка.

— Буду записывать.

— Как девчонка.

— Сам ты девчонка.

Лиза сказала:

— Пусть пишет. Если сдохнем, хоть красиво будет.

Мы засмеялись.

Только Малой не засмеялся.

Он смотрел в сторону леса.

— А вы знаете, почему окна там чёрные? — спросил он.

— Потому что стекла выбили, гений, — сказал Димка.

— Нет, — сказал Малой. — Они не выбиты. Они закопчённые. Изнутри.

Лиза толкнула его плечом:

— Хватит пугать.

— Я не пугаю. Я видел.

— Когда?

Малой пожал плечами.

— Во сне.

Все опять засмеялись.

Но мне стало неприятно.

Потому что я тоже видел санаторий во сне.

Не весь. Только длинный коридор с белыми стенами. На стенах висели детские рисунки, такие старые, что бумага стала жёлтой. На рисунках были домики, солнце, сосны.

И на каждом рисунке в окне стоял чёрный человек.

Я проснулся, потому что кто-то шептал возле кровати:

— Не опаздывайте.

Я никому не сказал.

Даже сейчас не знаю, зачем написал.

Запись вторая

4 июня, утро

Мы идём сегодня.

Я почти не спал.

Мама утром сказала, что я выгляжу больным, потрогала лоб и хотела оставить дома. Я сказал, что просто плохо спал из-за жары. Хотя никакой жары не было. Ночью я проснулся и понял, что в комнате очень холодно. Настолько, что изо рта шёл пар.

Окно было закрыто.

На стекле с внутренней стороны были следы пальцев.

Маленьких.

Как будто ребёнок стоял у окна и стучал.

Я хотел позвать маму, но следы начали исчезать. Один за другим. Просто таяли, как иней.

Перед тем как исчез последний, я увидел, что это не отпечатки пальцев.

Это были буквы.

Очень кривые.

«НЕ БЕРИ САШУ».

Саша — это Малой.

Я стёр стекло рукавом и долго сидел на кровати, пока не рассвело.

Сейчас мы должны встретиться у старого моста через ручей. Дальше через лес минут сорок. Если идти быстро — тридцать.

Я взял тетрадь, ручку, фонарик, бутылку воды, два бутерброда. Ещё взял папин старый складной нож. Не знаю зачем.

Кажется, я боюсь.

Но не пойти уже нельзя.

Потому что вчера вечером, когда мы расходились, Димка сказал:

— Завтра в одиннадцать. Кто не придёт — трус.

Я не трус.

Просто мне кажется, что санаторий уже знает, что мы идём.

Запись третья 4 июня, день Пишу на крыльце корпуса. Мы дошли. Лес оказался длиннее, чем должен был быть. Сначала всё было нормально. Мы встретились у моста. Димка пришёл первым и сразу начал снимать. Лиза привела Малого, который был в красной куртке, хотя на улице тепло. Сказал, что ему в ней спокойнее. Я спросил: — Тебе не жарко? Он ответил: — Там будет холодно. Димка закатил глаза. Мы пошли. Дорога к санаторию старая, заросшая травой. Асфальт местами вспучился, из трещин растут корни. Сосны вокруг высокие, и под ними почти нет кустов, поэтому кажется, что лес пустой, как зал. Шаги звучат глухо. Даже птиц не слышно. Минут через двадцать Лиза сказала: — Мы уже должны были выйти. Димка посмотрел на телефон. — Навигатор тупит. Связи не было. Компас Малого крутился. Не просто дрожал, а именно крутился, как стрелка на игрушке. Малой побледнел и сунул его в карман. — Не доставай, — сказала Лиза. — Почему? — Потому что бесит. Мы шли ещё минут двадцать. Потом увидели указатель. Ржавая табличка на перекошенном столбе. На ней почти ничего не осталось, только куски белой краски. Но если встать сбоку, можно было разобрать: «ДЕТСКИЙ САНАТОРИЙ СОСНОВЫЙ БОР — 1 КМ». Димка засмеялся: — Видите? Всё норм. Лиза сказала: — Странно. — Что? — Мы уже проходили этот столб. Я хотел сказать, что нет. Но потом увидел на столбе царапину. Три буквы: «АРТ». Я сам вырезал их ножом, когда мы проходили первый

раз. У меня внутри всё стало пустым. Димка перестал смеяться. — Просто круг сделали, — сказал он. — В лесу легко. — Мы шли прямо, — сказала Лиза. Малой вдруг заплакал. Тихо, без звука, просто слёзы потекли по щекам. — Что? — спросила Лиза. — Саш, что? Он смотрел за наши спины. Мы обернулись. Между соснами стояла девочка. Далеко. Метров тридцать. В белой майке и с короткими волосами. Лицо было в тени. Она подняла руку и помахала нам. Димка сразу включил камеру. — Эй! — крикнул он. — Ты кто? Девочка повернулась и пошла в лес. — Стой! — крикнула Лиза. Малой схватил её за руку: — Не надо. — Это ребёнок, дурак. — Это не ребёнок. Девочка скрылась за соснами. Через минуту мы услышали смех. Не детский. Слишком низкий. Будто кто-то взрослый попытался смеяться детским голосом, но забыл, как это делается. Мы побежали. Не за ней. Оттуда. И через пять минут выбежали прямо к санаторию. Он огромный. Я не думал, что он такой большой. Главный корпус стоит посреди заросшей поляны. Три этажа, длинный фасад, облупившаяся штукатурка, колонны у входа. Большинство окон выбито, но некоторые чёрные, будто их покрасили с той стороны. На крыше растут маленькие берёзы. Над входом остались буквы: «СОСНОВЫЙ БОР». Но слово «БОР» кто-то зачеркнул углём. Теперь читается: «СОСНОВЫЙ». Димка сказал: — Вот это контент. Лиза молчала. Малой всё ещё держал её за руку. Мы стоим у крыльца. Внутри пока не зашли. На ступеньках много пыли. Но есть следы. Маленькие босые следы. Они ведут внутрь.

Запись четвёртая 4 июня, позже Мы вошли. Я хочу написать всё сразу, пока помню правильно. Внутри пахнет не как в заброшке. Я был в старом клубе возле станции и в недостроенном доме за рынком. Там пахло сыростью, пылью, голубями, краской, иногда мочой. Здесь пахнет больницей. Хлоркой. Лекарствами. Старым бельём. И дымом. Хотя прошло много лет после пожара. Первый холл большой. На полу разбитая плитка. В углу лежит перевернутая стойка вахтёра. На стене висит доска объявлений под стеклом, стекло треснуло. Под ним пожелтевший лист: «ТИХИЙ ЧАС С 13:00 ДО 15:00». Часы над лестницей остановились на 13:17. Димка снимал всё на телефон и говорил шёпотом, хотя мы вроде не договаривались шептаться. — Главный холл. Заброшенный детский санаторий. Офигеть, ребята, атмосфера... — Кому ты говоришь? — спросила Лиза. — Для видео. — Ты ещё не выкладываешь. — Потом выложу. Малой стоял у стены и смотрел на доску объявлений. — Там моё имя. Мы подошли. На доске, под листком про тихий час, висел список детей. Бумага была старая, выцветшая. Наверху написано: «Отряд 3». И правда. В списке было имя: «Александр К.» Лиза сказала: — Саш с таким именем миллион. Малой ткнул пальцем ниже. Там было: «Елизавета К.» Потом: «Дмитрий С.» И ещё ниже: «Артём Н.» Наши имена. Фамилии тоже наши. Димка перестал снимать. — Это Серёга приколся, — сказал он. — Твой брат знает мои фамилию? — спросила Лиза. Димка не ответил. Я хотел сорвать листок, но Лиза схватила меня за руку. — Не трогай. — Почему? — Не знаю. И тут где-то сверху раздался звонок. Обычный школьный звонок, резкий, дребезжащий. Мы все подпрыгнули. Звонок длился секунд десять, потом оборвался. После него стало слышно, как на втором этаже кто-то бежит. Много ног. Детские шаги. Туда-сюда по коридору. Димка прошептал: — Там кто-то есть. Лиза достала фонарик. — Может, другие подростки. Но по её голосу было понятно, что она сама в это не верит. Шаги наверху остановились. И детский голос хором сказал: — Тихий час. Не один ребёнок. Много. Все вместе. Малой зажал уши. — Я домой. Он пошёл к выходу. Дверь была открыта. Мы все это видели. Но когда Малой подошёл к ней, за дверью был не двор. Там был коридор. Длинный, белый, с койками вдоль стен. Малой попятился. Димка побежал к двери, выглянул. — Что за... Он высунул руку. Рука исчезла по локоть, будто вошла в туман. Димка резко выдернул её и закричал. На коже остались следы маленьких зубов. Круглые. Много. Лиза бросилась к нему, начала лить воду на руку. Димка ругался и трясся. Я посмотрел в дверной проём. Коридор за ним был пустой. Но на ближайшей койке лежала игрушка. Плюшевый медведь без глаз. Он повернул голову ко мне. Сам. Медленно. Я захлопнул дверь. Теперь мы внутри. Выход пропал.

Запись пятая

4 июня, не знаю сколько времени

Телефоны не работают.

У Димки телефон сначала показывал 23:58, потом 07:12, потом вообще экран стал белым. На белом экране появились слова:

«НЕ СНИМАЙТЕ СПЯЩИХ».

Он выбросил телефон на пол.

Телефон продолжал снимать.

Мы слышали щелчки камеры, хотя экран погас.

Лиза сказала, что надо найти другой выход. В таких зданиях всегда есть запасные двери.

Мы пошли по первому этажу.

Коридор длинный. С обеих сторон палаты. На дверях номера. 101, 102, 103.

За некоторыми дверями слышно дыхание.

Не человеческое. Слишком медленное. Как меха в старой печи.

Мы решили не открывать.

В палате 107 дверь была сломана и висела на одной петле. Там стояли железные кровати. Матрасов почти не осталось, только пружины. На стене детский рисунок мелом: четыре человека держатся за руки.

Над каждым подписано имя.

АРТЁМ.

ДИМА.

ЛИЗА.

САША.

У четвёртого человека голова была зачёркнута.

Малой увидел и начал кричать, что это не смешно. Лиза обняла его и сказала, что всё будет хорошо. Но сама смотрела на рисунок так, будто уже знала, что не будет.

В конце коридора была дверь с табличкой:

«СТОЛОВАЯ».

Оттуда пахло супом.

Свежим.

Горячим.

Я понял, что голоден, хотя мы были внутри, наверное, меньше часа.

Димка сказал:

— Может, там кухня и выход.

Мы вошли.

Столовая большая. Длинные столы, скамейки, облупленные стены. На окнах чёрная копоть. В центре стояли четыре тарелки.

В тарелках был суп.

Пар шёл вверх.

Рядом лежали ложки.

На каждой ложке было выцарапано имя.

Моя ложка была тёплая.

— Не трогать, — сказала Лиза.

Но Малой уже взял ложку.

— Я хочу есть.

— Саша!

Он успел попробовать одну ложку.

Сразу стал плакать.

— Что? — Лиза вырвала ложку. — Что там?

Малой открыл рот.

На языке у него лежал маленький белый зуб.

Не его.

Молочный.

Потом ещё один.

И ещё.

Они начали высыпаться изо рта, стучать по полу, катиться под столы.

Малой захрипел. Лиза била его по спине. Я стоял как идиот и не мог пошевелиться.

Димка вдруг схватил одну тарелку и швырнул в стену.

Суп расплескался.

В нём были волосы.

Много тонких детских волос.

Свет мигнул.

Все тарелки исчезли.

На столе осталась только табличка:

«КТО НЕ ЕСТ — ТОТ НЕ ВЫРАСТЕТ».

Малой перестал кашлять.

Его язык был в крови, но зубы больше не сыпались. Он шептал:

— Они под столами. Они под столами.

Мы посветили вниз.

Под каждым столом сидели дети.

Только ноги.

Тела уходили вверх в темноту, будто они сидели на невидимых стульях, слишком высоких для комнаты. Босые ступни качались в воздухе.

И все ступни были обожжены.

Мы выбежали из столовой.

Теперь коридор другой.

Номера на дверях стали 201, 202, 203.

Мы на втором этаже.

Мы не поднимались.

Запись шестая

4 июня, наверное ночь

У нас пропал Димка.

Это случилось из-за телефона.

Мы шли по второму этажу и пытались найти лестницу. Лестница была прямо за холлом, но холла больше не было. Вместо него — коридор с палатами и дверью в конце. Над дверью горела лампа.

На двери табличка:

«ИГРОВАЯ».

Изнутри доносилась музыка.

Такая, как в старых музыкальных шкатулках. Дзынь-дзынь-дзынь, медленно и фальшиво.

Димкин телефон вдруг зазвонил.

Он лежал у него в кармане, хотя он выбросил его в холле.

Димка достал его белый как мел.

На экране шло видео.

Мы увидели самих себя.

Сверху.

Будто кто-то снимал нас с потолка.

Мы стояли в коридоре перед игровой.

На видео дверь игровой была открыта. Из неё выглядывала рука и махала Димке.

В реальности дверь была закрыта.

— Вы это видите? — прошептал он.

Телефон щёлкнул.

На экране появилась надпись:

«ДИМА, ТВОЯ ОЧЕРЕДЬ СНИМАТЬ».

Дверь игровой приоткрылась.

Щель была чёрной.

Оттуда выкатился мяч.

Красный резиновый мячик. Старый, с трещиной. Он докатился до ног Димки и остановился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.